

КУЗНЕЦ РАЗЛОМА

Cha Yan Izzy

Cha Izzy

Кузнец разлома

<https://litres.ru/74332248>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был простым кузнецом. Полукровкой, которого не принимали ни люди, ни звери. Его дом стоял у подножия Гномьих гор, его жизнь была размеренной, как удары молота о наковальню.

Но однажды земля треснула.

Из разлома в полу кузницы поднялась тьма, погубившая его наставника. Вместо мести судьба вложила в руки Кайана древний артефакт — Разломный Молот, Якорь, выкованный из плоти самой Бездны. Оружие невероятной силы, которое за каждый удар забирает плату. Не золото. Не кровь. Память.

Теперь Кайан должен решить: сойти с ума, потеряв себя, или сражаться, отдавая по кусочку всё, что делает его человеком.

Ему предстоит пройти через заброшенные шахты гномов, холод Ледяных пустошей, интриги Империи и тьму Главного разлома, который зовёт его всё сильнее. Потому что Якорь — не просто оружие. Якорь — часть Бездны, и он хочет вернуться домой.

«Кузнец Разлома» — мрачное фэнтези о цене силы, потере памяти и человеке, который отказался сдаваться даже тогда, когда забыл собственное имя.

Содержание

Часть 1. Первая сила и выбор	4
Глава 1. Поселение у гор	5
Глава 2. Трещина в мастерской	12
Глава 3. Первый удар	21
Глава 4. Реакция мира	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Cha Yan Izzy

Кузнец разлома

Часть I. Первая сила и выбор

Глава 1. Поселение у гор

Ветер с Гномьих гор пах пеплом и старым железом. Он спускался по каменистым склонам, пробирался между покосившимися домами поселения и упирался в кузницу на окраине — приземистое здание из серого камня, над которым даже в полдень висело марево жара.

Кайан не слышал ветра. Он слышал только звон металла.

Молот опускался на раскалённую полосу стали — раз, другой, третий. Ритм был точным, как биение сердца. Кайан не считал удары. Его руки знали, когда остановиться, когда повернуть заготовку, когда погрузить её в масло, чтобы сталь запела и зашипела, выпуская облако едкого пара.

— Опять без рукавиц, — проворчал старый Бран, сидя на табурете у входа. — Спалишь ладони до кости, и кто тогда будет ковать?

Кайан не ответил. Он вытащил заготовку из масла, осмотрел её прищуренными глазами. Лезвие было почти готово — простой охотничий нож, заказанный одним из людей с нижней улицы. Ничего особенного. Но даже на простом но-

же Кайан не позволял себе халтурить.

— Гномы сегодня приходили, — снова заговорил Бран.
— Спрашивали про тот заказ для шахтёров.

Кайан положил заготовку на верстак и впервые за утро поднял взгляд.

— Пусть приходят, когда я закончу. Не раньше.

Бран покачал головой. Ему было за шестьдесят, он был сух, как старый корень, и так же упрям. Когда-то он подобрал Кайана — полузверя, получеловека, брошенного умирать на тракте, — и вырастил его как сына. Научил кузнечному делу, рунам, дал ему дом. Но даже Бран не мог дать Кайану одного — места среди людей.

— Ты опять с ними поругался? — спросил старик.

— Они смотрят на меня как на зверя, — ровно ответил Кайан. — Я не обязан быть вежливым.

— Ты не зверь.

— Для них — зверь.

Кайан вытер руки о кожаный фартук. На тыльной стороне ладони, прямо под костяшками, темнела полоска короткой серой шерсти — наследие матери, которую он почти не помнил. Такая же шерсть росла на предплечьях, на груди, на затылке, спускаясь к плечам. Глаза у него были жёлтыми, с вертикальными зрачками, как у горного волка. И сколько бы он ни брился, на скулах и подбородке всегда проступала тёмная тень.

— Они думают, я кусаюсь, — сказал Кайан, подходя к наковальне. — Может, и кусаюсь. Но я не их собака.

Бран вздохнул и поднялся с табурета.

— Я пойду на рынок. К вечеру вернусь.

— Возьми зонт, — бросил Кайан. — Пахнет дождём.

Старик только отмахнулся и вышел в серый полдень.

Кайан остался один. Так было лучше всего. В тишине, среди жара и металла, он был не изгоем, не полукровкой, не «зверем с Гномьих гор». Он был просто кузнецом. Человеком, который делает вещи. И пока руки заняты работой, внутри можно было не думать о том, что болит.

Он взял молот — простой, без рун, весом в четыре с половиной фунта. Настоящий молот кузнеца. Но когда он встал к наковальне, то на мгновение задержал дыхание.

Что-то было не так.

Металл на верстаке дрожал. Сначала едва заметно, как будто кто-то невидимый тронул его пальцем. Потом сильнее. Заготовки для ножей звенели, ударяясь друг о друга. Ведро с водой у стены пошло рябью. Пол под ногами Кайана едва уловимо завибрировал.

Он опустил молот на наковальню. Наковальня ответила глухим, низким звуком, который остался в воздухе дольше, чем должен был.

— Бран? — позвал Кайан, хотя знал, что старик уже далеко.

Тишина. Только звон металла.

Он медленно подошёл к верстаку и положил ладонь на столешницу. Дерево было тёплым. Но тепло исходило не от жары кузницы. Оно шло снизу, из-под пола.

Кайан опустился на корточки и прижал руку к каменным

плитам.

Земля дышала.

Толчок — слабый, но отчётливый. Как будто глубоко под горой что-то огромное перевернулось во сне и снова замерло.

— Ты чувствуешь это? — прошептал Кайан. Он говорил сам с собой, но ответ пришёл извне.

Звон металла вдруг стал громче. Все заготовки, все клинки, все руны, выбитые на мечах и доспехах, завибрировали в унисон. Кайан почувствовал, как его собственные зубы начинают ныть от этого звука.

А потом раздался треск.

В дальнем углу кузницы, за старым точильным камнем, по каменному полу поползла трещина. Широкая, с палец толщиной, она прошла через плиты, как шрам. Из неё пахло холодом — чужим, неправильным, как из погребя, в котором вместо овощей хранится что-то мёртвое.

Кайан отступил на шаг. Звериная часть его существа — та, что всегда спала под кожей, — вдруг проснулась и завывала.

Волчий инстинкт кричал: беги.

Но кузнец внутри него зарычал в ответ.

Это его дом. Его место. Его мир.

Он не побежит.

Он медленно, шаг за шагом, подошёл к трещине и заглянул в неё.

Там, в глубине, что-то светилось. Слабый, пульсирующий свет — не тёплый, как огонь, а болезненный, как свечение гнилого дерева. Он то разгорался, то затухал, и каждый раз, когда он вспыхивал, звон металла снова становился громче.

Кайан выпрямился. Его глаза сузились, зрачки стали ещё тоньше.

— Кто бы ты ни был, — проговорил он тихо, — ты не должен был приходить сюда.

Он не знал, к кому обращается. Но он знал, что это правда.

Этот трещина не должна была появиться.

И что-то подсказывало ему: это только начало.

Глава 2. Трещина в мастерской

Дождь так и не пошёл. Вместо этого к вечеру небо над поселением налилось тяжёлой, желтоватой серостью, какая бывает перед грозой, но грозы не случилось. Воздух замер. Даже птицы, обычно кричавшие на крышах, куда-то исчезли.

Бран вернулся с рынка, когда солнце уже цеплялось за острые пики Гномьих гор. Старик был хмур. Он бросил на верстак мешок с провизией и долго молчал, прежде чем заговорить.

— Ты заметил? — спросил он наконец.

Кайан сидел у трещины. За день он успел осмотреть её, обмерять и даже попытаться заложить камнями, но камни не держались. Они просто не хотели лежать. Как будто земля выталкивала их обратно.

— Заметил, — ответил Кайан.

— Полгорода говорит, что у них под полами всё дрожит. Гномы из своих шахт вышли на поверхность. Говорят, будто в горах слышен гул.

— Я его слышал.

Бран медленно опустился на табурет. Его лицо, и без того сухое, стало ещё более усталым.

— Это разлом, — сказал он тихо. — Тот самый. О котором старики рассказывали.

Кайан поднял взгляд.

— Ты говорил, что разломы бывают только на востоке.

— Раньше так и было. Но земля меняется. Иногда она ломается там, где не ждали.

Кайан снова посмотрел в трещину. Свечение в глубине не исчезало. Оно оставалось таким же слабым, но постоянным, как тлеющий уголёк. И от него по-прежнему пахло холодом.

— Что нужно делать? — спросил Кайан.

— Есть заклинание. Старое, гномье. Оно не закрывает разлом, но сдерживает его. Не даёт расширяться.

— Ты знаешь его?

Бран покачал головой.

— Я кузнец, не маг. Но у меня есть руны. Если нанести их вокруг трещины, можно хотя бы замедлить её.

Он поднялся и подошёл к дальней стене кузницы, где на деревянных полках хранились инструменты, свёртки с руновыми заготовками и старые чертежи. Бран вытащил из-за полки кожаный тубус, обмотанный выцветшей лентой.

— Это гномьи руны. Мне их дал один мастер из гор, когда мы ещё ладили. Они для горна, но если перерисовать их правильно...

— Дай сюда.

Кайан взял тубус. Внутри лежал пожелтевший лист с чертежом. Линии рун были сложными, как паутина, но Кайан понимал их. Бран научил его читать руны ещё в детстве, а гномьи руны он изучил лучше многих людей.

— Нам понадобится серебряная пыль, — сказал Кайан.
— И соль из восточных копей.

— Соль есть. Серебра мало.

— Хватит. Я сделаю.

Они работали до глубокой ночи. Бран держал лампу, Кайан наносил руны тонкой кистью, обмакивая её в смесь серебряной пыли и соли. Руны ложились на камень неровно, но точно. Кайан не позволял себе спешить. Каждая линия должна была быть на своём месте.

Трещина всё это время молчала. Свет в ней не разгорался и не затухал. Он просто ждал.

— Готово, — сказал Кайан, выпрямляясь.

Руны вокруг трещины слабо засветились. Серебряная пыль впиталась в камень, и теперь в полу горел неровный круг, внутри которого чернела трещина.

— Должно подействовать, — произнёс Бран. — По крайней мере, на время.

Он сделал шаг вперёд и наклонился над кругом, разглядывая руны.

— Ошибка, — вдруг сказал он.

— Что?

— Вот здесь. — Бран указал на одну из линий. — Ты нарисовал «запирающий» знак вместо «сдерживающего». Если разлом почувствует...

Он не договорил.

Трещина вздохнула.

Она не взорвалась, не извергла пламя. Она просто выдохнула — длинным, холодным дыханием, от которого руны на полу погасли одна за другой, как свечи на ветру. Пол под ногами Кайана вздыбился, и из трещины ударил столб того самого болезненного света.

— Бран! — крикнул Кайан.

Старик стоял слишком близко. Свет коснулся его груди, и Бран отлетел назад, как тряпичная кукла. Его тело ударилось о стену и рухнуло на пол.

Кайан бросился к нему, но его собственные ноги не слушались. Земля под ним ходила ходуном. Пол трещал, стены дрожали. Трещина расширялась, разрывая каменные плиты, как бумагу.

— Вставай! — кричал он, хватая Брана за плечи. — Вставай, слышишь!

Старик не отвечал. Его глаза были открыты, но в них отражался только свет разлома — холодный, чужой свет.

А потом Кайан почувствовал боль.

Трещина дотянулась до него. Не светом, не холодом, а чем-то иным. Она схватила его за руку — ту самую, которой он рисовал руны, — и дёрнула вниз, к своей пасти. Кайан успел увидеть, как из глубины поднимаются клубы чёрного дыма, как в них мелькают очертания — не то зверей, не то людей, не то чего-то третьего.

А затем что-то ударило его в грудь.

Это был не удар. Это был вес. Тяжесть целого мира, обрушившаяся на его рёбра.

Кайан упал.

Перед глазами поплыли круги, но он не потерял сознание. Он видел, как трещина вдруг начала сжиматься. Быстро, судорожно, будто что-то внутри неё схватило её края и

потянуло навстречу друг другу. Свет померк. Гул стих. Через несколько мгновений в кузнице остались только темнота, пыль и тишина.

И ещё одно.

Кайан лежал на полу, в трёх шагах от трещины, и в его руке что-то было.

Он медленно повернул голову.

Это был молот.

Тяжёлый, массивный молот, выкованный не из стали и не из железа. Его боёк был чёрным, как ночь в горах, а рукоять — из серого, потрескавшегося дерева, обмотанного кожаными ремнём. Вдоль бойка, по самой кромке, бежали руны. Они не были нарисованы. Они были выжжены. И они слабо, едва заметно светились, как угли в остывающем горне.

Кайан не знал, откуда взялся этот молот. Он не видел его раньше. Но когда его пальцы сжались на рукояти, он почувствовал одно:

Молот узнал его.

Боль в груди исчезла. Вместо неё пришла сила — тёмная, тяжёлая, как расплавленный свинец. Она потекла по руке, по плечу, по всему телу, заполняя каждую жилу. Кайан почувствовал, как его собственное сердце на мгновение замерло.

А потом он услышал крик.

Не снаружи — внутри.

Крик старика.

Кайан вскочил на ноги и бросился к Брану, всё ещё сжимая молот в руке. Старик лежал у стены, бледный, как саван. Его грудь едва поднималась.

— Бран! — позвал Кайан, опускаясь на колени. — Бран, очнись.

Глаза старика дрогнули. Он посмотрел на Кайана — сначала мутно, потом яснее. Его взгляд скользнул по молоту, по рунам, по тёмной силе, которая всё ещё текла по руке Кайана.

— Ты... — прошептал Бран. — Что ты наделал?

— Я не знаю.

Старик с трудом поднял руку и коснулся рукояти молота. Его пальцы были холодными.

— Это плохо, — сказал он. — Это очень плохо.

— Что? Что это?

Бран не ответил. Его рука упала. Глаза снова закрылись.

А где-то за стенами кузницы, в сердце Гномьих гор, раздался низкий, утробный рёв.

Волки почуяли кровь.

Глава 3. Первый удар

Бран умирал.

Кайан знал это с того самого момента, как старик перестал отвечать. Он не был целителем, но он видел смерть и раньше. Он видел, как умирают раненые звери в лесу, как умирают старики в поселении, как умирают гномы в шахтах, когда на них обваливается порода.

Бран умирал не так.

Его лицо было спокойным, но кожа на груди, там, куда ударил свет, почернела. От ожога не было жара, не было дыма. Просто чернота, которая медленно расползлась, как чернила по воде.

Кайан перенёс старика в дом, уложил на кровать. Молот он оставил в кузнице. Он не хотел держать его рядом с Браном. Когда он вышел, чтобы набрать воды, из кузницы снова донёлся тот же тихий, едва слышный звон.

Металл дрожал.

— Не сейчас, — прошептал Кайан.

Он не знал, к кому обращается — к молоту, к разлому или к самому себе.

Вода в ведре была ледяной. Кайан смочил тряпку и приложил к почерневшей коже Брана. Старик не пошевелился. Его дыхание становилось всё тише, всё реже.

— Ты говорил, что у тебя есть чертежи, — сказал Кайан, не глядя на него. — Что гномы научили тебя рунам, которые могут сдержать разлом. Ты говорил, что мы справимся.

Бран не ответил.

— Ты не должен был подходить так близко.

Тишина.

Кайан отжал тряпку и снова приложил её к ране. Его руки дрожали, но он заставил себя не останавливаться.

Так прошла ночь. А на рассвете Бран умер.

Это случилось тихо. Один вздох — и всё. Кайан сидел рядом, держал его за руку и смотрел, как свет из окна медлен-

но ползёт по стене. Он не плакал. Он не мог.

Но когда он понял, что старик больше не дышит, он вышел из дома, дошёл до кузницы и сжал молот обеими руками.

— Ты виноват, — сказал он.

Молот молчал.

— Ты появился из той трещины. Ты убил его.

Руны на бойке слабо мерцали. Они не отвечали. Они просто ждали.

И тогда Кайан закричал.

Он кричал долго, пока не сорвал голос. Кричал в пустоту, в горы, в серое небо. А потом наступила тишина, и в этой тишине он услышал ответ.

Не слова. Не голос. Чувство.

Из глубины Гномьих гор к нему ползло что-то голодное. Это не было эхо. Это был запах — кислый, как старое железо и падаль. Он поднимался откуда-то снизу, из шахт, из каменных жил, из чёрных щелей, которых не касался свет.

Кайан повернул голову.

Из трещины в полу кузницы выползала тварь.

Она была не похожа ни на одного зверя, которых он видел. Серая, безглазая, с телом, состоящим из острых пластин, как у насекомого, и длинными конечностями, которые ломались под неправильными углами. Она двигалась рывками, будто не знала, как пользоваться собственным телом. Её пасть раскрывалась в четырёх местах одновременно, и из неё капала чёрная слюна, шипевшая на камне.

Кайан отступил.

Зверь внутри него взвыл. Волк, живший под кожей, требовал бежать, спастись, уходить в горы. Но Кайан не был зверем. Он был кузнецом.

И у него был молот.

Он поднял его.

Тварь на мгновение замерла. Словно почувствовала силу, которая исходила от рун. А потом бросилась вперёд.

Кайан ударил.

Он не целился. Он просто обрушил молот туда, где была тварь. И мир сломался.

Удар был тяжёлым, как удар самой земли. Волна силы вышла из молота и прошла сквозь тварь, сквозь пол, сквозь стены. Каменные плиты в кузнице разлетелись в стороны, как сухие листья. Крыша подпрыгнула. В ушах Кайана зазвенело.

Тварь исчезла.

Она не упала, не отлетела, не взорвалась. Она просто перестала быть. На её месте осталась только чёрная пыль, которая осела на пол и тут же впиталась в камень.

Кайан стоял, сжимая молот, и его тело дрожало. Сила, вырвавшаяся из его рук, всё ещё гудела в костях, как будто он долго держал в руках раскалённый прут.

А потом пришла боль.

Не в руках. Не в груди. В голове.

Что-то внутри него треснуло. Кайан покачнулся и упал на

колени. Молот выпал из его пальцев и ударился о пол, но он не услышал звука удара.

Он видел только одно.

Лицо Брана.

Но оно было уже не прежним. Черты старика размывались, как отражение в мутной воде. Кайан пытался удержать его — улыбку, морщины, шрам на левой брови, — но они ускользали.

— Нет, — прошептал он. — Нет, нет, нет.

Он сжал голову руками и попытался вспомнить. Как Бран смеялся? Как он ругался, когда Кайан в детстве портил заготовки? Какой у него был голос утром, когда он пил свой горький травяной отвар?

Пусто.

Только очертания. Только тень. Только знание, что когда-то он помнил больше.

Кайан поднял голову и посмотрел на молот, лежащий на полу.

— Ты забрал его, — сказал он хрипло. — Ты забрал его лицо.

Молот молчал.

Но где-то в глубине, под горой, снова раздался рёв.

Твари поняли, что появился враг.

И они шли.

Глава 4. Реакция мира

Кайан стоял у гроба Брана и смотрел, как жители поселения бросают на него косые взгляды.

Их было не так много — человек сорок, не считая гномов, которые держались отдельной группой. Гномы не пришли на похороны человека. Они стояли в стороне, у кромки кладбища, и о чём-то переговаривались, покачивая головами.

Кайан не слышал их слов. Но он чувствовал их взгляды.

— Он умер из-за тебя, — сказал кто-то из людей.

Кайан медленно повернул голову.

Это была седая женщина по имени Марта. Она держала в руках букет сухих трав и смотрела на Кайана так, как смотрят на бешеную собаку.

— Он умер, потому что полез в разлом, — ровно ответил Кайан.

— Разлом был в твоей кузнице. В твоём доме. Это ты при-

вёл беду.

Он не ответил. Он просто снова посмотрел на гроб — простой, сколоченный из сосновых досок, которые Бран заготовил ещё весной. Кайан сам забил крышку. Сам выкопал могилу. Сам опустил гроб в землю.

И теперь стоял и слушал, как его обвиняют.

— Это не он, — раздался вдруг хриплый голос.

Из толпы вышел старый гном с чёрной бородой, заплетённой в две косы. Его звали Двал, и он был старейшиной тех гномов, что жили у подножия гор. Кайан редко с ним разговаривал, но Бран иногда ходил к нему за советами.

— Разлом не спрашивает, у кого ему открыться, — сказал Двал. — Он мог появиться в любом доме.

— Но появился в его, — возразила Марта.

— Потому что в его кузнице был горн, который разогревает камень до предела. Разломы ищут тепло. Им всё равно, кто виноват.

Толпа зашепталась. Кайан стоял неподвижно, сжимая ку-

лаки.

— Мне не нужно твоё заступничество, — тихо сказал он гному.

Двал глянул на него.

— Мне тоже не нужно, чтобы из-за людской глупости разлом прорвался снова. Поэтому слушай.

Он подошёл ближе. Вблизи его лицо было изрезано шрамами — следами долгой жизни в шахтах.

— Ты вчера убил тварь, — проговорил Двал. — Я знаю. Вся гора это чувствует. Ты ударил тем, что взял из трещины.

Кайан не отрицал.

— Где он? — спросил гном.

— В кузнице.

— Покажи.

Они оставили кладбище вдвоём. За спиной у них нарастал шум голосов, но никто не решился пойти следом. Даже

Марта, которая ещё минуту назад обвиняла Кайана, осталась стоять у могилы.

В кузнице было холодно. Трещина в полу больше не светила, но от неё всё ещё тянуло сыростью. Молот лежал на верстаке, тёмный и неподвижный.

Двал остановился на пороге. Он долго смотрел на молот, затем медленно приблизился.

— Я видел такие в старых чертежах, — сказал он. — В архивах моего народа. Это не просто оружие.

— Что это?

— Якорь. Им запечатывали разломы в древности. Но он не должен был появиться так рано. И не должен был попасть в руки человека.

Кайан усмехнулся:

— Я не человек. И ты это знаешь.

— Знаю. Поэтому и говорю: это плохо.

Он обернулся к Кайану. В его глазах, тёмных и глубоких,

как колодцы, читалась не злость. Тревога.

— Когда ты ударил им, ты почувствовал потерю? — спросил гном.

Кайан не ответил. Но Двал, видимо, понял всё по его лицу.

— Это цена, — тихо произнёс он. — Молот берёт силу из разломов. Но взамен он съедает то, что делает человека человеком. Воспоминания. Чувства. Привязанности. С каждым ударом ты будешь терять что-то важное.

— Я уже потерял.

— Не всё.

Они стояли друг напротив друга. Тишина в кузнице была плотной, как туман.

— Ты должен отдать его, — сказал Двал.

— Кому?

— Нам. Гномам. Мы спрячем его в глубине гор, туда, где никто не найдёт.

— Чтобы он лежал там и ждал, пока разломы снова не проснутся? — Кайан покачал головой. — Нет.

— Тогда что ты собираешься делать?

Кайан подошёл к верстаку и взял молот в руку. Тот был тяжёлым, но привычная тяжесть вдруг показалась ему правильной. Как будто рука была создана для этой рукояти.

— Я найду способ контролировать его, — сказал он. — И я закрою разлом. Тот, что в моём полу. И тот, что зовётся Главным.

Двал побледнел.

— Ты даже не знаешь, что такое Главный разлом.

— Знаю. Ты сам только что сказал.

— Нет. — Гном шагнул к нему. — Ты не понимаешь. Это не трещина в полу. Это бездна. Мой народ потерял в ней половину своей истории. Даже древние кузнецы, создавшие этот молот, не смогли закрыть Главный разлом. Они лишь сдержали его.

— Тогда я сделаю то, что не смогли они.

Двал смотрел на него долго, не отводя взгляда. Потом опустил глаза.

— Гордыня, — сказал он. — Она уже начинает тебя есть.

— Пусть. У меня больше ничего не осталось.

Кайан развернулся и направился к выходу.

— Куда ты идёшь? — спросил гном.

— В Гномьи горы. К старым шахтам. Там, по твоим словам, есть архивы.

— Они заброшены. И там небезопасно. Особенно теперь.

Кайан остановился на пороге и бросил взгляд через плечо.

— Ты думаешь, я не знаю?

И вышел.

Серое небо висело над горами, как крышка над горшком. Где-то далеко, за острыми пиками, снова прозвучал рёв. На этот раз ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.